

УДК 343.9:328.185

А. А. ИВАНОВА,

кандидат юридических наук

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Цель: показать значение научного подхода в законодательном обеспечении противодействия коррупции.

Методы: диалектический метод познания с преимущественным системным подходом (анализом).

Результаты: на основании результатов критического анализа антикоррупционного законодательства России и практики противодействия коррупции сформулированы положения о законодательных рисках. Полученные знания представляют определенную полезность для законотворческой и практической деятельности в области противодействия коррупции. Убедительно (и на примерах) доказана очевидная необходимость руководствоваться принципом научности в законодательной технике, что, безусловно, позволяет прогнозировать и минимизировать законодательные риски и тем самым оптимизировать регулятивную систему управления противодействием коррупции.

Научная новизна: заключается в осмыслении стратегии противодействия коррупции как важнейшей основополагающей идеи законодательной и практической деятельности системы государственного управления, а также в необходимости субъектам противодействия коррупции в своей деятельности руководствоваться принципом научности, предвидеть и минимизировать законотворческие риски.

Практическая значимость: предлагаются идеи оптимизации противодействия коррупции на основе научно проработанных программ и планов с учетом реальных возможностей и профессионального благоразумия, исключаящего политические амбиции.

Ключевые слова: стратегия; концепция; политика; противодействие коррупции; надсистемное управление; системное мышление; бюрократия; эффект бумеранга; законотворческие риски; принцип научности.

Введение

Понятие стратегии можно рассматривать по-разному, в научной литературе приводится множество классификаций этого определения [1, с. 24]. Представляется правомерным в данном контексте выделить 2 вида стратегии – понимаемой как в широком, так и узком смысле.

В широком смысле *стратегия* означает то же самое, что и *концепция* – это система знаний, в которых выражена идея, основная мысль или главный замысел чего-либо, задуманного к осуществлению в будущем, например, снижение уровня коррупции в стране, теоретическая разработка приоритетных направлений, принципов, целей, задач и других значимых положений, вытекающих из основополагающей идеи. В узком смысле основные направления деятельности и есть стратегии особенного характера.

«Особенная» стратегия определяется как одно из приоритетных направлений деятельности или одно из приоритетных направлений общей стратегии, скажем, стратегии борьбы с преступностью. Так, академик В. Н. Кудрявцев определял около 10 стратегий борьбы с преступностью: пресечение преступлений; уголовное преследование лиц, со-

вершивших преступление; истребление и устрашение; изоляция; исправление и т. д. [2, с. 353].

Главной стратегической целью идеи противодействия коррупции, согласно «Национальной стратегии противодействия коррупции»¹ (далее – Национальная стратегия), является «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» (ст. 5). Проистекающие из этой идеи и ее цели конкретизированные положения выступают основополагающими идеями приоритетных направлений или общих стратегий. В Национальной стратегии предусмотрено более 20 таких направлений (ст. 8). Например, первое из них, чрезвычайно важное направление, которое должно определять основную стратегию, – «обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции».

Данная система стратегических руководящих идей воплощается в конкретную деятельность

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.: Указ Президента Российской Федерации № 460 от 13 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. 15 апреля.

по противодействию коррупции через особый регулятивный механизм, образно говоря, приводной ремень, в роли которого выступает законодательство. В этом механизме должно быть воплощено «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3, с. 772]. Однако таким искусством владеет далеко не каждый из тех, кто пишет и принимает законы, разрабатывает программы и планы. И поэтому нередко концептуальные идеи как истинные воплощаются либо не в полной мере, либо более чем некорректно в позитивных императивах, конкретизирующих эту высшую идею в нормативных документах.

Очевидно, что необходимо различать уровни мышления, которые адекватно можно соотнести, во-первых, с *субъектом-разработчиком* самой идеи или стратегии (концепции), во-вторых, с *субъектом-реализатором* «перевода» этой идеи в потенциально действенный механизм, который призван регулировать функционирование организационно-управленческого механизма системы реального противодействия коррупции, т. е. реализации конкретных мер конкретными исполнителями в конкретные сроки.

Результаты исследования

Субъект-разработчик — это никто иной, как субъект *надсистемного управления* или системно мыслящий специалист, который отличается способностью быть выше предметного (прагматического или приземленного) мышления, как бы выходить за пределы системы, «парить» над ней, рассмотреть ее со стороны «независимым», *стратегическим* взглядом, оценить ситуацию, спрогнозировать перспективы воздействия на нее. В этом взгляде особенную роль играет методологический инструментарий, в частности надсистемные, фундаментальные принципы (взаимосвязи, историзма и др.). Эти принципы можно назвать их методологическими, которые «в соответствии со всеобщими законами развития являются универсальными для любых видов деятельности» [4].

Надсистемному управленцу чужд, противопоставлен «замыленный» взгляд на происходящее, он не должен быть вовлечен «в текучку» и иметь сформированное привычное, упрощенное убеждение, выраженное фразой «как это все традиционно должно быть». Это свойственно предметно-

му мышлению, которое по обыкновению не видит, а потому и не ищет новых, альтернативных путей развития управленческой системы [5].

Надсистемные управленцы — это высокопрофессиональные специалисты, «мозг управления», они берут на себя ответственность за эффективное управление системой противодействия преступности и поэтому должны владеть искусством, прежде всего, правоохранительного управления, т. е. механизмом антикриминальной политики.

Что касается *субъекта-реализатора*, в особенности законодателя, то его профессионализм, через который концептуальные идеи трансформируются в идеи нормативные, не позволяет сегодня обеспечить адекватное законодательство. Последствия же «неконцептуального» законодательства проявляются в негативных факторах, понятие и классификацию которых в частности предлагает В. М. Баранов [6].

В одном из своих исследований он пишет: «Умный законодатель, прежде чем выступить с личной законодательной инициативой, многократно взвесит возможные юридические и иные последствия своего шага» [7, с. 21]. Однако, по его мнению, уровень юридической подготовки наших законодателей таков, что лишь немногие способны самостоятельно разработать полноценную концепцию или же реально оценить уже подготовленную. А это, естественно, отрицательно влияет на качество принимаемых законов.

Асистемность противодействия коррупции. Антикоррупционное законодательство представляет собой такой пример-аргумент для наших утверждений. Как известно, начало активной антикоррупционной кампании можно отнести ко второй половине 2008 г. Учитывая, что в период 2005–2008 гг. предпринимаемые государством меры противодействия коррупции успехов не имели, президентом РФ Д. А. Медведевым был утвержден «Национальный план противодействия коррупции»² как «настоятельная необходимость». Указ об утверждении данного документа был подписан 31 июля 2008 г.

² Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

Примером стратегического мышления надсистемного субъекта управления может служить подготовка и внесение в Государственную Думу Российской Федерации Закона «О противодействии коррупции»³. В проекте предусматривалось (п. «а») определение, в частности, таких понятий, как «коррупция» (как социально-юридическое явление) и «коррупционное правонарушение» (как отдельное проявление коррупции), влекущих за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность⁴, в числе законодательных мер по обеспечению противодействия коррупции.

Рассмотрим уровень депутатского (предметного) мышления. 19 декабря 2008 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции». И в этом законе названные выше идеи надсистемного управленца, т. е. предусмотренные президентом РФ важные положения, оказались проигнорированными. В частности, не было дано определения понятия коррупции как социально-юридического явления. Вместо него использовался перечень деяний, выражавших незаконное использование должностного положения в корыстных целях.

Недооценка коррупции как явления. Данное «неконцептуальное» обстоятельство, по нашему мнению, породило расхождение в подходах к осмыслению понятий коррупции и коррупционного правонарушения (преступления), что в определенной мере затрудняет реализацию политики противодействия коррупции. Примечательно, что в недавнем интервью Информационно-правовому portalу «ГАРАНТ» руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И. Д. Соловьев отметил, что определение единого понятия коррупции, которое бы учитывало все многообразие отечественных и международных правовых актов, невозможно, ибо: «такое определение займет

не один лист бумаги и будет сложным для восприятия и понимания» [8]. Депутат пояснил, что в Федеральном законе «О противодействии коррупции», по его словам, являющегося «нашей своеобразной антикоррупционной конституцией, дано определение, которое в том числе основано на перечислении способов неправомерных действий должностного лица» [8].

Таким образом, коррупция рассматривается как «социально-правовое явление, сущность которого выражена в общественных отношениях, возникших на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц по незаконному использованию одним из них своего должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды» [9, с. 13]. Но сумма преступлений, даже именуемая «суммативной системой», таковой не является. Характер и степень безусловной общественной опасности *множества* не может представлять собой угрозу национальной безопасности, поскольку оно представляет собой некий хаос.

Однако именно из хаоса «вызревает», систематизируется определенный порядок, в котором проявляется системность. Важно знать и учитывать те закономерности, по которым происходит перерастание хаоса (коррупционных проявлений) в системное образование (коррупцию). Одно дело, когда противодействие осуществляется в отношении конкретных, например, коррупциогенных объектов; другое – когда объектом противодействия является коррупция как социально-юридическое явление.

Можно сказать, в явлении коррупции интегрируются или сливаются энергии элементов хаоса – отдельно взятых (в статистике) правонарушений. В результате такого слияния возникает (по методологическому закону перехода количества в качество) новое, интегрированное свойство, которое выводит объект-коррупцию «на новый уровень развития, на котором она как системный объект характеризуется относительно динамическим постоянством основных свойств и функций» [10, с. 76].

В данном случае мы видим пример подмены системного мышления, в духе которого был написан президентский «концептуальный» документ, мышлением предметным, отличающимся упрощенным определением коррупции всего

³ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273 от 25 декабря 2008 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 10.08.2014)

⁴ Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

лишь как способов неправомерных действиях должностного лица. То есть такому предметному мышлению не свойственно «многократное взвешивание юридических и иных последствий» законодателя, на что справедливо сетовал профессор В. М. Баранов.

Представление о коррупции как о ряде (сумме) отдельных деяний обуславливает и соответствующее, упрощенное представление о причинах этих деяний, а именно, объясняет ее, как это следует из преамбулы «Национального плана противодействия коррупции», «неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства»⁵.

Проблема забюрократизированности. Следовательно, и сама деятельность по противодействию коррупционной преступности должна сводиться, в основном, к искоренению ее причин, имманентно содержащихся в избыточности государственного администрирования.

В итоге реализации этого курса противодействия коррупции, как констатирует директор Национального антикоррупционного совета РФ М. М. Лашков, «все антикоррупционные планы и стратегии государства остаются «национальными» только на бумаге» [11]. Это была безуспешная кампания против коррупции и порождающей ее, прежде всего, *бюрократии*, которая, как ни парадоксально, и проявила себя как фактор этой безуспешности. Данный эффект можно назвать эффектом бумеранга. Особенно это явление характерно для ведущего субъекта противодействия коррупции в стране – Министерства внутренних дел, где забюрократизированность, по свидетельству М. М. Лашкова, «выходит за пределы разумного и лишь ужесточает пресловутую «палочную систему», которая в приоритетном порядке самым негативным образом отражается на гражданах... Тем не менее, отмечает М. М. Лашков, отменять порочную практику, когда жалоба на должностное лицо в результате брожения по бюрократическим кабинетам спускается на исполнение к должностному лицу, на которое изначально была подана жалоба, никто не отменял. И, судя по обсуждаемым

«новым антикоррупционным инициативам», этот порочный круг никто менять не собирается» [11]. Это весьма характерно для системы управления, которая на 80 % коррумпирована [12].

Не менее актуально заявляет о себе «неконцептуальная» практика противодействия коррупции в сфере экономической. Как справедливо пишет корреспондент «Ведомостей» О. Кувшинова, «коррупционная модель ведения бизнеса сегодня по-прежнему остается экономически выгодной и позволяет в короткий срок получить значительные преимущества перед конкурентами, пытающимися действовать в рамках правового поля»⁶.

Например, как ни убеждали теоретики (субъекты «концептуального» предвидения противодействия коррупции) практиков (субъектов управленческого воздействия (противодействия)), что без улучшения качества государственного управления (в том числе, надо полагать, и устранения бюрократических препонов – *примечание авт.*), еще больше снизит и без того его низкую результативность, их прогноз-предупреждение не был услышан.

В результате, как оценивает сложившуюся ситуацию директор Института анализа предприятий и рынков ВШЭ, профессор А. А. Яковлев, реформирование государственного регулирования, попытки принудить чиновников следовать часто противоречащим друг другу инструкциям привели к остановке экономики [13]. Более того, профессор выразил убеждение в том, что «то, как с коррупцией борются, бьет не только по ней, но убивает и любую активность» [13].

Дисфункциональный эффект. Дисфункция (от лат. *dis* – приставка, придающая отрицательный или противоположный смысл + *functio* – действие, осуществление) есть нарушение деятельности. В данном случае имеет место ярко выраженный пример подобного нарушения деятельности, или некорректного выполнения функции координации и регулирования, что привело к ее противоположности, или обратному эффекту («эффекту бумеранга», т. е. «хотели, как лучше, а получилось – наоборот». Эффект бумеранга с позиции энер-

⁵ Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом Российской Федерации № Пр-1568 от 31 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 5 августа.

⁶ Концепция по борьбе с коррупцией в России на период 2014 г.: URL: <http://op-yanao.ru/index.php/novosti/koncepciya-po-borbe-s-korruptcieie-v-rossii-na-period-do-2014-goda.html> (дата обращения: 03.09.2014).

гетического подхода профессор Г. Н. Горшенков именует «инициирующим эффектом» [14, с. 31], сущность которого заключается в том, что неупорядоченность системы антикоррупционного управления повышает уровень упорядоченности, или самоорганизации коррупции.

Например, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 6) в качестве, подчеркнем, *первоочередной* меры предписано «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»⁷. Естественно, данная мера была включена и в «Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 гг.», п. 3 которого прямо предусматривал работу «по формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции»⁸.

Получается, что антикоррупционное законодательство, определяя относительно частную и, следует подчеркнуть, ситуативную задачу, мобилизует усилия субъектов противодействия коррупции на формирование негатива в общественном сознании и общественной психологии, которые и без того полны нетерпимости. Обращение к негативным чувствам людей, возбуждение в них чувства сильной вражды, неприязни или даже, ненависти [15, с. 355] может легко спровоцировать тот самый эффект – бумеранга. Как говорят в народе, с чем боролись, на то – и напоролись. Как видим, в данном случае даже народная мудрость – на стороне научности.

Законотворческие риски. Снисходительное отношение законодательной и административно-исполнительной практики к научным рекомендациям, экспертным заключениям, неизбежно усиливает подобные риски, т. е. возможные, заранее неизвестные или недооцененные негативные последствия определенных решений и последующих действий. В нашем случае как раз имеют место 2 вида такого риска: *риск несистемности*, или *асистемности* (умаление явления коррупции до элементарной совокупности коррупционных правонарушений)

и *риск асоциальности* (возбуждение негативного общественного мнения и правонастроения).

Предвидение (прогнозирование) такого рода рисков, минимизация возможных последствий негативного характера в противодействии преступности или ее «фоновых явлений» приобретает сегодня особое «стратегически судьбоносное» значение, ибо в современном мире возможность предвидения будущих явлений, в том числе и в правовой сфере, приобретает особую актуальность. Между тем в антикриминальной политике правял бал целесообразность и в немалой степени эмоциональность, но не научность. Основная политическая (стратегическая) цель противодействия коррупции искоренения ее причин и условий задает тон всей управленческой системе, призывая, образно говоря, к кавалерийским атакам на данную угрозу национальной безопасности. В одном из интервью Радио России сенатор А. Г. Лысков, рассуждая о перспективах борьбы с коррупцией и давая оценку антикоррупционному законодательству, определил в нем «твердое намерение начать *войну с коррупцией не на жизнь, а на смерть* (выделено нами – прим. авт.)» [16]. И далее: «После принятия выверенных законов, как после утверждения плана генерального наступления, предстоит сделать главное: получить поддержку общества, мобилизовать сограждан на активную *войну с коррупцией* (выделено нами – прим. авт.)» [16].

На политика (как, впрочем, должно быть и на каждого из нас) в значительной мере влияет общественное мнение и правонастроение. Но политик – особый субъект правоотношений (которые он сам и в немалой степени определяет). Он подвержен воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, на которые незамедлительно реагирует. Эти реакции заметно усиливаются, особенно за счет придания им публичности через СМИ. Отсюда вытекает закономерная потребность в особом, эмоциональном языке (положительно окрашенной экспрессивной или образной лексике, «языке плаката» – агитации и пропаганды), который позволяет политику находить понимание у широких масс населения, толпы, а иногда и у неопределенного круга лиц.

Возникает вопрос: а нужна политика научность? Его предметное мышление предпочитает иной ориентир – популизм. Разумеется, не к

⁷ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273 от 25 декабря 2008 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 10.08.2014)

⁸ Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 гг. // Российская газета. 2010. 15 апреля.

каждому «уголовно-правовому» политику наше утверждение может быть отнесено, однако, такое явление имеет место быть.

Принцип научности же диктует непреложное правило: при разработке стратегии и тактики противодействия коррупции руководствоваться не столько обстоятельствами, сколько объективными закономерностями, которым и подчинены эти самые обстоятельства. В силу объективных закономерностей и видоизменяется данное социально-юридическое явление – коррупция и, в целом, преступность.

Выводы

Карательная мощь уголовного наказания является мерой вынужденной и традиционно находится в сильной зависимости от «карательной» мотивации «властного» политика, т. е. права подчинять другого. Изначально наказание за преступление выражало в себе чувство мести, которое вкладывали в него не только законодатель (и правоприменитель), но и потерпевший, которому государство предоставляло такое же право. Например, по Русской Правде предусматривалось право физической расправы над обидчиком. Известный социолог П. А. Сорокин писал: «Реальная мотивирующая сила – это не цель, а биологическое побуждение, условный рефлекс...» [17, с. 53].

Мера вынужденного (или, наоборот, политически расчетливого) реагирования на частные случаи проявления коррупции в лучшем случае направлена соответственно на причинную связь между деянием и результатом, что действительно немаловажно для обеспечения торжества буквы закона (в частном или исключительном случае). Мышление правоприменителя «направлено на оценку чужой деятельности с позиции права в целях привлечения к ответственности» [18, с. 74], а в этих, даже добросовестных стараниях легко скатиться под обвинительный уклон.

В связи с этим мы наблюдаем еще один «рисковый эффект», а именно – непроработанную потенциальную возможность получить результат негативного характера, который следовало предвидеть, принимая законодательное решение о смягчении уголовного преследования за взятки, или введения альтернативного лишения свободы в виде кратного штрафа и лишения права занимать определенные должности. Сумма штрафа впечат-

ляет: от двадцатипятикратной суммы взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ) – до стократной (ч. 6 ст. 290 УК РФ); т. е. минимальный штраф составит не менее 25 тысяч рублей, а максимальный – 500 млн рублей.

Очевидно, что эта сумма не была взята с толка, а просчитана с учетом сложившейся криминальной ситуации, в частности, исходя из финансовых возможностей коррупционеров. Однако, какие реальные возможности имеются для исполнения наказания, очевидно, не интересовало законодателя. И вот – результат не заставил себя ждать. Так, по данным председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, из 20 млрд рублей, которые должны были выплатить взяточники в качестве кратных штрафов (что позволило бы почти возместить нанесенный ущерб), реально было получено всего лишь 1 % – 20 млн рублей⁹.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в отличие от политиков, коррупционеры оказались более дальновидными, они регулярно увеличивали плату за возрастающие риски быть схваченными за руку. Например, за 6 лет антикоррупционной кампании средняя сумма взятки увеличилась более чем в 16 раз, и соответственно «совокупный доход» коррупционеров в 2013 г. был равен 21 млрд рублей (сумма причиненного ущерба стране).

Научно необоснованный (политический) расчет законодателя на эффективность вводимых санкций не позволил просчитать последствия таких нововведений, т. е. предвидеть тот самый риск – *гуманизация* наказания, которое теперь, по сути, оставляет взяточника, в том числе крупного и особо крупного, безнаказанным. А это, конечно же, стимулирует коррупционное поведение.

Известный афоризм «Теория без практики – мертва, а практика без теории – слепа» очень уместен в наших умозаключениях о концепции и практике противодействия коррупции. Однако представляется, что данная аксиома давно известна каждому. Но дело в том, что далеко не каждый руководствуется этой мудростью: одни – исходя из своего уровня мышления; другие – из политических или карьерных соображений.

⁹ В ходе антикоррупционной кампании средняя сумма взятки в России выросла в 16 раз. URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (дата обращения: 30.10.2014)

По нашему мнению, необходимо *не доказывать* законодателю, правоприменителю (управленцу в целом) роль и значение научности в своей деятельности, необходимость теоретически обдуманных умозаключений, а *побуждать* руководствоваться этими истинными идеями. А это не так просто, учитывая моральные устои тех многих личностей, которые реализуют антикоррупционную кампанию в стране.

Список литературы

1. Апт Л.Ф., Баранов В.М. Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 8–14.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. 352 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Малеева Т.В. Системный подход к формированию принципов управления земельными ресурсами крупного города // Проблемы современной экономики. 2005. № 3/4 (15/16). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (дата обращения: 10.08.2014)
5. URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (дата обращения: 24.08.2014)
6. Баранов В.М. Концепция законопроекта и ее роль в повышении эффективности принятия закона. URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (дата обращения: 11.09.2014)
7. Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 8–14.
8. О современном состоянии антикоррупционного законодательства. Интервью с руководителем аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Соловьевым И. Н. URL: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (дата обращения: 17.09.2014)
9. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Н. Коррупция как социально-юридическое явление и уголовно-правовой признак // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительная практика: сб. науч. трудов / отв. ред. П.А. Колмаков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2010. Вып. 6. С. 5–13.
10. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. 214 с.
11. Борьба с коррупцией как презумпция привилегированности. URL: <http://www.korupcii.net/> (дата обращения: 07.10.2014)
12. Генпрокуратура считает, что в России коррумпировано более 80 % чиновников. URL: <http://www.votkinsk.net/node/3294> (дата обращения: 03.09.2014)
13. Кувшинова О. Борьба с коррупцией стала причиной остановки роста экономики // Ведомости. 2014. 7 октября.
14. Горшенков Г.Н. Синергетический подход в криминологии. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2009. 72 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
16. Анатолий Лысков: атака «пятой колонны». URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата обращения: 20.04.2014)
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
18. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989. 192 с.

В редакцию материал поступил 20.10.14

© Иванова А. А., 2014

Информация об авторе

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент факультета права, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, тел.: (8312) 278-09-25
E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

Как цитировать статью: Иванова А. А. Стратегия противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 34–41.

A. A. IVANOVA,

PhD (Law)

Nizhniy Novgorod branch of National Research University "Higher School of Economics", Nizhniy Novgorod, Russia

STRATEGY OF CORRUPTION COUNTERACTION

Objective: to show the significance of scientific approach in legislative provision of corruption counteraction.

Methods: dialectic method of cognition with systemic approach (analysis).

Results: Basing on the results of critical analysis of the Russian anti-corruption legislation and practice, the provisions on legislative risks are formulated. The obtained knowledge is useful for law-making and practical activity in the sphere of corruption counteraction. The author

argumentatively proves the necessity to implement the scientific principle in law-making technique, which allows to predict and minimize law-making risks and thus optimize the regulative management system of corruption counteraction.

Scientific novelty: realizing the strategy of corruption counteraction as an important idea for law-making and practical activity of state management system, as well as the necessity for the corruption counteraction subjects to use the scientific principle, to predict and minimize the law-making risks.

Practical value: The author proposes ideas of corruption counteraction optimization on the basis of scientifically elaborated programs and plans, taking into account the actual possibilities and professional prudence, excluding political ambitions.

Key words: strategy; concept; policy; corruption counteraction; supra-systemic management; systemic thinking; bureaucracy; boomerang effect; law-making risks; scientific principle.

References

1. Apt L.F., Baranov V.M. Sistematizatsiya v pravotvorchestve: sushchnost', tsennost', perspektivy sovershenstvovaniya (Systematization in law-making activity: essence, value, prospects of improving). *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 17, pp. 8–14.
2. Kudryavtsev, V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* (Strategies of struggle against crime). Moscow: Yurist", 2003, 352 p.
3. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Thesaurus of the Russian language). Moscow: Azbukovnik, 1997, 944 p.
4. Maleeva, T.V. Sistemnyi podkhod k formirovaniyu printsipov upravleniya zemelnymi resursami krupnogo goroda (Systemic approach to forming the principles of managing land resources of a large city). *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2005, no. 3/4 (15/16), available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (accessed: 10.08.2014)
5. <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (accessed: 24.08.2014)
6. Baranov, V.M. *Kontseptsiya zakonoproekta i ee rol' v povyshenii effektivnosti prinyatiya zakona* (The concept of a draft law and its role in increasing the efficiency of law adoption), available at: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (accessed: 11.09.2014)
7. Baranov, V.M. Ideya i kontseptsiya zakonoproekta: ponyatie, znachenie, dialektika funktsionirovaniya (Idea and concept of a draft law: notion, significance, dialectics of functioning). *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 17, pp. 8–14.
8. *O sovremennom sostoyanii antikorrupcionnogo zakonodatel'stva. Interv'yu s rukovoditelem apparata Komiteta Gosudarstvennoi Dumy po bezopasnosti i protivodeistviyu korruptsii Solov'evym I. N.* (On the modern condition of anticorruption legislation. Interview with I.N. Solov'yev, the Head of the State Duma Committee apparatus on security and corruption counteraction), available at: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (accessed: 17.09.2014)
9. Gorshenkov, A.G., Gorshenkov, G.N. *Korrupsiya kak sotsial'no-yuridicheskoe yavlenie i ugovorno-pravovoi priznak. Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimeritel'naya praktika: sb. nauch. trudov* (Corruption as social-juridical phenomenon and criminal-legal feature. Topical problems of juridical science and law-enforcement practice: collection of works). Syktyvkar: Izd-vo Syktyvskarskogo un-ta, 2010, issue 6, pp. 5–13.
10. Gorshenkov, G.N. *Kriminologiya: nauchnye innovatsii. Monografiya* (Criminology: scientific innovations. Monograph). Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2009, 214 p.
11. *Bor'ba s korrupsiyey kak prezumptsiya privilegirovannosti* (Struggle against corruption as presumption of the privileged position), available at: <http://www.korupcii.net/> (accessed: 07.10.2014)
12. Genprokuratura schitaet, chto v Rossii korrumpirovano bolee 80 % chinovnikov (Prosecutor General's Office believe that more than 80% of officials in Russia are corrupted), available at: <http://www.votkinsk.net/node/3294> (accessed: 03.09.2014)
13. Kuvshinova, O. Bor'ba s korrupsiyey stala prichinoi ostanovki rosta ekonomiki (Struggle against corruption became the reason for economic growth suspension). *Vedomosti*, 2014, 7 oktyabrya.
14. Gorshenkov, G. N. *Sinergeticheskii podkhod v kriminologii* (Synergetic approach in criminology). Nizhniy Novgorod: Izd-vo VVAGS, 2009, 72 p.
15. Ushakov, D.N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (Thesaurus of the modern Russian language). Moscow: «Adelant», 2013, 800 p.
16. *Anatolii Lyskov: ataka «pyatoi kolonny»* (Anatoliy Lyskov: "fifth column" attack), available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (accessed: 20.04.2014)
17. Sorokin, P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* (Human being. Civilization. Society). Moscow: Politizdat, 1992, 543 p.
18. Zhalinskii, A.E. *Sotsial'no-pravovoe myshlenie: problemy bor'by s prestupnost'yu* (Social-legal thinking: problems of struggle against crime). Moscow: Nauka, 1989, 192 p.

Received 20.10.14

Information about the author

Ivanova Anna Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Law Faculty, Nizhniy Novgorod branch of National Research University "Higher School of Economics"

Address: 25/12 B.Pecherskay Str., 603155, Nizhniy Novgorod, tel.: (8312) 278-09-25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

How to cite the article: Ivanova A.A. Strategy of corruption counteraction. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32). pp. 34–41.

© Ivanova A. A., 2014